

«Пока – не входить в мировое цивилизованное...»

Вниманию читателя предлагается одно из наиболее значительных с теоретической точки зрения публичных выступлений Вадима Цымбурского. Оно было озвучено 24 января 1994 года на заседании клуба «Свободное слово», посвященном теме «Русский фашизм – миф или реальность?». Члены клуба, включая цитируемых в выступлении Цымбурского философов Вадима Межуева и Карла Кантора, обсуждали, по следам неожиданного успеха партии Владимира Жириновского на выборах в Государственную Думу в декабре 1993 года, насколько вероятен политический успех «русского фашизма» и в какой мере ответственность за возникновение этого феномена несет либерализм в его искривленной отечественной версии.

* * *

Моему выступлению предстоит быть своего рода дополнением и комментарием к выступлению В.М. Межуева. Прежде всего, я хочу полностью поддержать то, что говорилось Вадимом Михайловичем о необходимости различать понятия «фашизма» и «нацизма».

Нужно видеть в фашизме то, что не покрывается ранжированием людей по национальному и расовому признакам – ранжированием, которое исторически проявлялось в разных обстоятельствах, разных культурах, разных обществах. Уже достаточно и в прессе, и здесь говорилось о Прибалтике и об ее обращении с «русскоязычными». По существу Прибалтика тяготеет к типу нацистского общества, и однако мы не можем назвать сегодняшние прибалтийские общества фашистскими.

Если мы присмотримся к двум эталонным фашистским обществам, какие нам являют, при всем различии между собой, Германия и Италия во второй четверти нашего века, и попытаемся определить их общие черты, стремясь охарактеризовать феномен фашизма, то, на мой взгляд, он должен быть охарактеризован следующим способом. Прежде всего, **фашизм есть форма восстания нации против попыток вписать нацию в непрестижный и дискомфортный для нее мировой порядок на правах нации «второго сорта»**. Это, как мне кажется, исходное, родовое определение фашизма.

Но такого рода определения мало, ибо надо задуматься над тем, в чем именно состоит это «восстание нации». Вспомним здесь то, что некогда Джилас писал о большевистской революции и о неразрывной с ней экспроприации иностранных капиталов и кассации иностранных долгов России. В конце концов, Джилас рассматривал нашу революцию так же как форму национального восстания против миропорядка, не устраивающего нацию. Однако **фашистское восстание имеет свои отличающие его черты**.

Во-первых, такой чертой является четкое противопоставление мировым нормам, правилам игры, определившимся в капиталистической мир-системе,

ценностей данного народа, нации. **Фашизм – восстание ценностей против норм.** Отсюда вытекает все, что говорилось Карлом Моисеевичем Кантором насчет язычества, ставки на «кровь и почву», по сути – на исконные культурные начала данной нации, как бы возносимые в противовес диктуемым ей извне нормативам и правилам. Такой поворот неизбежен уже потому, что в своем бунте впадшая в фашизм нация стремится опереться на те начала, где она менее всего зависит от миропорядка, – на то, что создано и непосредственно выпестовано ею и где она не так явственно соединена с «чужим» миром, как в циркуляции стоимостей и в балансе сил. Бунт ставит на культуру, на ее первоосновы, где антропология погружается в биологию, – и в этой бездне черпает прообразы восстания политического.

Во-вторых, помимо ставки на эти «кровные» и «почвенные» основы, типологической чертой фашизма является использование **тоталитарной техники власти**, а именно приобщения всех граждан общества к всеобщности единой воли через посредство партии-авангарда, снимающей противопоставление общества и государства, партией, которая становится над формальными структурами государства как собрание «лучших сил народа». Партия-авангард с ее дробным, слабо формализованным переходом от партии «внешней» к «внутренней» притязает на снятие разрыва между элитой и массами, превращая каждый человеческий атом общества в «единую силу частицу».

Третий признак фашизма состоит в том, что в своем восстании фашизированная нация стремится внутри себя снять классовые противоположности и противоречия, **нейтрализовать конфликт богатых и бедных, экономических «верхов» и «низов» нации.** Поэтому, как правило, при фашизме не происходит экспроприации, физического истребления заправил экономики, но «хозяев жизни» склоняют консолидироваться с низами своей нации на основе морального единства, на основе именно тех своих, и только своих, исконных первоначал, во имя которых «нация-пролетарка» поднимает бунт против не устраивавшего ее мира.

Посмотрим еще раз на этот **теоретический эталон фашизма:**

– ставка на свои неотъемлемые, не экспроприруемые миропорядком истоки; на «кровь и почву» – раз;

– тоталитарная техника власти, связывающая массы в «единую силу», – два;

– стремление на этой основе снять внутренние классовые противоречия – три.

Попытаемся теперь инвертировать данный эталон и построить другой, который зеркально противостоял бы эталону фашистскому. Мы получим при этом **эталон компрадорского государства.**

Я обращаю ваше внимание на то, как абсурдно, оксюмороном звучит словосочетание «компрадорский фашизм», предполагая некий лицемерный выгиб мысли, соединяющий члены антитезы. Ибо компрадорство – прямая альтернатива фашизму для общества, закатившегося в дискомфортную лунку мир-системы.

Пункт против пункта.

Вместо ставки на кровь и почву – **полное привязывание государства к внешним мировым структурам**, черпание режимом ресурсов выживания из внешней поддержки и внешнего признания.

Вместо тоталитарной техники власти – **техника власти авторитарная**, когда атомы не связываются ни в какую всеобщность, но им предоставляется порознь вертеться в атомарном их состоянии, лишь бы не вмешивались в дела власти, не препятствовали ей по своему усмотрению определять условия этого «верчения».

Наконец, вместо морально-политической нейтрализации противоречий – их **предельная поляризация**, общеизвестная игра на противопоставлении образа жизни одной десятой приобщившихся к мировому цивилизованному и девяти десятых не приобщившихся, оставшихся «при своих».

Причем авторитарная техника власти предназначена удержать общество в этом напряженном неравновесии, до бесконечности отсрочивая взрыв.

По правде, для государства, втягивающегося в миропорядок на неблагоприятных для себя условиях, есть два пути: либо смириться с положением вещей, когда в обществе выделяется верхушка, приобщенная к мировым стандартам, пользоваться авторитарной техникой власти для обуздания девяти десятых и гордиться тем, что играешь по правилам «мирового цивилизованного», – либо идти на бунт, который с высокой вероятностью придаст обществу фашистские черты.

Выбор страшный.

Во второй четверти века либеральная Европа и весь Запад были напуганы тем, что в их собственном, романо-германском ареале обозначилась такая «периферия», такой тип бунтующих наций. А потому после мировой войны были приняты все меры к тому, чтобы в Европе – а заодно и в Японии как ближайшей к США части «мирового приморья» – эти очаги погасить и абсорбировать подобные нации – внутри либерального «центра». Это было сделано.

Россию никто в таком качестве и на таких льготных условиях абсорбировать не будет, да и не смог бы. Потому надо признать, что **при желании любой ценой закрепиться на окраине «мирового цивилизованного» перед Россией встанет выбор между двумя путями: путем компрадорским и путем фашистским.**

Если мы поглядим, что пишут одни демократические эксперты, восславляя авторитаризм как форму перехода в лучшее состояние; что пишут другие эксперты, превознося общество, где армия, влившись в «цивилизованную» одну десятую, возьмется ее защищать от девяти десятых, оставшихся «при своих», – мы увидим отчетливо: выбор между этими путями стал определенным и близким.

И то, что Вадим Михайлович говорил насчет близочности типов Гайдара и Жириновского, – это близочность альтернативных путей, выбираемых внутри обозначенной ситуации, близочность удовлетворенности ею и бунта против нее.

Сколько раз за последние годы в демократической прессе в оправдание сегодняшних боссов цитировалась строчка Бродского насчет того, что «ворюга мне милей, чем кровопийца». А ведь как сказать, население-то может выбрать и по-иному. Ведь у кровопийц нередко бывает этакий пассионарный шарм – вспомним рассуждения Раскольников о Наполеоне, – ворюги же, тем паче ворюги доходов от экспорта, как правило, никаким шармом не обладают. Потому **народы в истории частенько выбирают по-другому, чем Бродский.**

На самом деле, вопрос состоит единственно в следующем: неизбежно ли гнать к этой страшной ситуации, когда население данной страны окажется только перед таким и никаким иным выбором? Если мы хотим войти в мировое цивилизованное на тех условиях, которые нам сегодня предлагаются в обмен на наши идеологические обязательства, нам придется либо пройти путь компрадорства до некоего неочевидного конца, либо в какой-то момент срываться в фашизоидную фрустрацию со всеми последствиями.

Все, о чем сейчас надо думать, – так это о способах предотвратить подобный выбор, уклониться от него. Есть ли по существу такая возможность? В последние годы мы слушали столько насмешек над «третьими путями», что даже неловко высказывать напрашивающуюся мысль: пока – **не входить в мировое**

цивилизованное, не садиться на трехногий стул, который нам там приготовлен, продумать, не осталось ли в запасе для такого вхождения неких возможностей, скрывающихся имплицитно в нынешнем, еще сильно внесистемном положении России. **Нельзя ли еще использовать эту внесистемность для реорганизации и внутренних сил, и внешнего потенциала страны?** Все ли варианты нашего отношения к мир-системе рассмотрены, не остались ли пропущены такие, которые давали бы шанс фрустрировать вызов неприемлемого выбора?

Что касается социально-политической программы, то главный вопрос сегодня в следующем: возможно ли в нашей стране такое принятие либерально-гуманистических норм, выработанных Западом, такое претворение их, которое было бы ради этой страны, а не ради оправдания ухода от нее? Именно так: **может ли западник в России быть либералом и западником для России, а не для Запада?** Причем не в начале века, не в дни Милюкова и Струве, а в наши дни, когда мы обсуждаем шансы русского фашизма?